

Уединённые прогулки по сосновой роще

рассказ

*Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...*

Николай Рубцов

Певец печали и тоски

Он здесь частенько бывал – в сосновой роще, раскинувшейся сразу за Кизическим монастырём. Конечно, правильней было бы называть этот сосновый лес на возвышенности бором, но как-то так повелось – роща да роща, хотя тут не было видать ни одного лиственного деревца. Зато плотной стеной возвышались корабельные сосны, обрамлявшие белокаменные храмы тёмно-зелёной хвоей. Это для взора путника со стороны Казани (тогда ведь, в конце XVIII – начале XIX века, здесь, за рекой Казанкой, города ещё не было).

В низине, с юго-востока рощи, текла вертлявая речка Комаровка, рядом с монастырём дремало луговое, сказочной красоты озерцо. Сюда отдыхать приезжали влиятельные люди не только града Казани.

Каменев в уединённых своих прогулках по роще любил останавливаться на её противоположной от накатанной дороги стороне, на круче, под которой протекала Комаровка. Но смотреть он любил вдаль, где в дымке вырисовывался древний Кремль, а в вешних водах Казанки отражались златоверхие церкви и стрельчатые мечети города – по весне река под Казанью разливалась, занимая пойменные луга и превращаясь в одно большое зеркало.

Здесь, на взгорье, под «сосен шум» Гавриилу Каменеву хорошо думалось, а весенними, особенно майскими днями, даже мечталось и легко сочинялось. Но май не круглый год длится, и поэта всё более одолевали мрачные, безотрадные думы. Они усиливались после посещения кладбища на окраине рощи у монастыря, где покоились рано ушедшие из жизни его родители.

Гавриил Каменев происходил из рода именитого Макулы-мурзы, который, после захвата Казани Иваном IV, был крещён при высочайшем царском присутствии. Отец поэта, Пётр Григорьевич, был высокообразованным казанским I гильдии купцом, президентом губернского магистрата и городским головой. Во время посещения Екатериной II Казани взгляд её задержался на красавце Петре Григорьевиче... Умный, статный купец был приближен к императрице и сопровождал её до Симбирска. В память о путешествии по Волге Екатерина II вручила купцу и, чуть было, не будущему фавориту дарственную шпагу.

Мать Гавриила, Татьяна Ивановна, была дочерью казанского купца, яркого старообрядца Ивана Васильевича Крохина. Надо же, какие сюжеты закручивает жизнь, нарочно не придумаешь! Когда другая «царская» особа, Еме-

льян Пугачёв, пребывал в Казани, Иван Крохин стал ему опорой и доверенным лицом. Пугачёв частенько приезжал к нему на Георгиевскую улицу, молился в его тайной старообрядческой моленной, парился в баньке, а после побега прятался в его никому не ведомой пещере за Поповой горой.

Своих родителей Гавриил лишился очень рано. К четырём годам будущий поэт остался без отца, а к семи – и без матери.

У Гавриила остались две сестры – Пелагея и Анна. Что интересно, дочь Анны – Александра, в будущем поэтесса, вышла замуж за известного казанского профессора Карла Фукса, у которого гостил Пушкин во время сбора материалов о Пугачёвском восстании. Александр Сергеевич, увидев на стене фуксовского кабинета портрет Гавриила Каменева, сказал: «Этот человек достоин уважения. Он первым в России

осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти. Каменев много бы сделал, ежели б не умер так рано». Племянница Каменева – Александра Фукс – вспоминала: «Пушкин, бывало, подолгу смотрел на портрет моего родного дяди. Александр Сергеевич очень высоко ставил его в ряду русских поэтов и просил меня собрать все сведения о нём для написания впоследствии его биографии».

В самом деле, Казань славна двумя поэтами допушкинской эпохи в русской литературе, двумя Гавриилами, двумя потомками татарских мурз – Державиным и Каменевым.

Каменев получил прекрасное образование в лучшем казанском пансионе немца Вюльфинга. У него поэт в совершенстве овладел немецким языком и проштудировал немецкую литературу. С юности он пристрастился к переводческой деятельности. В разные годы он перевёл произведения Клейста, Геснера, Козегартена... Каменев также изучил английский и французский языки. Французская революция, вдохновившая было молодого человека, в итоге со всеми своими казнями, войнами, массовыми убийствами, глубоко разочаровала его и ввергла в пессимизм и тоску. Тут ещё трагическая любовь к дочери врача-немца... Влиятельные опекуны не дали Каменеву жениться на чужеземке. Он готов был, как Русин (герой одного из немногих его прозаических произведений), перешагнуть условности общества и ввергнуть себя в огонь запретной любви. Но избранница неожиданно заболела и умерла. Отчего? Гавриил посчитал, что причиной тому – несостоявшийся союз сердец, и винил в этом себя и свою слабохарактерность.

**Влачится в скуке жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
В сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа.
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
В могилу тёмную сойду...**

Смерть, переживания по вечно уходящим людям, безостановочно утекающим времени и жизни – главная тема его мрачного творчества. А творчество и жизнь у поэтов – это обыкновенно два взаимно сообщающихся сосуда. И зачастую не поймёшь, что первично, что рождает что – трагедия поэзию или сама поэзия – трагедию. И библейское «в начале было слово» в случае с Каменевым приходит на ум совсем не случайно. Он сам себя умел ввергать в тоску и нескончаемое депрессивное состояние. Все эти могилы, гробы, мертвецы – визитная карточка первого романтика русской поэзии. «Ничего себе романтик!» – скажете вы! Но так он определён в таблице о рангах отечественного Парнаса, несмотря на небывалую мрачность его поэзии. Поэт ведь, как божья птичка, тему своих песен не выбирает, что вложил в его грудь Всевышний, то и выдаёт:

**В воздухе душном всё увядает,
Блѣкнет, на что ни взгляну;
Древние сосны зноем томятся,
Ноют – молчат.**

**Воздух, сгущённый паром зловонным,
Грудь мою тяжко теснит;
В лютом мученьи чувствуую близко
Горькую смерть.**

Это вторая и третья строфы стихотворения «Сон», которое Каменев создал незадолго до смерти. Его написание предварил подлинный сон, в котором поэту привиделся человек в чёрной одежде. Как тут не вспомнить «чёрного человека» Пушкина («Моцарт и Сальери») и Есенинскую поэму с одноимённым названием! Так вот «чёрный человек» Каменева ведёт его к могиле, поднимает с неё плиту и показывает мертвеца, в котором он узнаёт себя. В стихотворении и описании сна даны картины сосновой рощи и погоста близ Кизического монастыря. Здесь, 24 мая 1803 года то ли в роще, то ли на кладбище, во время ночной прогулки поэт и уснул. И увидел этот сон. Здесь же буквально через месяц Каменев был похоронен.

Однако мы забежали чуть вперёд. После разбитой любви был период куتهжей и необузданного разгула. Это тоже особенность поэтов – заниматься саморазрушением и находить в этом упоение.

Но до раннего ухода из жизни ещё одно испытание ждало поэта – испытание браком. Каменев женился на пензенской дворянке Марии Подладчиковой, красивой, умной, страстной особе. Брак этот организовали попечители и «доброжелатели» Каменева. Он был заключён не на небесах, а на земле грешной, что называется, по расчёту. У супругов родились две дочери. Со временем поэт воспылал любовью к своей жене, но было поздно – здоровье его, расшатанное разгулом саморазрушения, и психика, обильно орошённая загробным творчеством, стали давать сбои. Неудивительно, что красавица Мария большее счастье находила в светской жизни, чем в семье.

Утешением в жизни Каменева остались только сочинительство и уединённые прогулки по сосновой роще. Да ещё поездки в Москву и Санкт-Петербург. В Москве он завёл дружбу со знаменитыми Карамзиным, Дмитриевым, Херасковым... А в С.-Петербурге его приняли действительным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в котором в разные годы состояли Рылеев, Дельвиг, Кюхелбеккер, Глинка... В изданиях общества печатались Пушкин, Баратынский... В Казани Каменев был известен как купец и кутила, а в двух столицах как большой русский поэт. В Первопрестольной и Северной столице большая душа основоположника русского романтизма и автора первой русской баллады оттаивала. Баллада называлась (и называется) «Громвал». Она стала предтечей «Руслана и Людмилы» Пушкина. А москвичи и петербуржцы из этой баллады впервые узнали о существовании под Казанью крылатого змея Зиланта.

Повторяю, никто из казанских не получил такой всероссийской известности в поэзии, как два Гавриила – Державин и Каменев.

В сентябре 1802, вернувшись в Казань из С.-Петербурга членом престижного литературного общества, Каменев вновь загрустил. Романтик и певец смерти не мог иначе. Его мечты и устремления не совпадали с реальной жизнью. В стихотворении, посвящённом друзьям, он пишет:

**Придите! Древних сосн в тених
Надгробный камень там белеет,
Под ним – ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воев ветр.**

Через неполный год, в июле 1803 года, на тридцать втором году жизни Каменев скончался. Поэт был похоронен под сосен шум на кладбище Кизического Введенского мужского монастыря рядом с отцом.

Спустя столетия

Я учился в школе, которая и по сей день находится у сосновой рощи, на её противоположной от Кизического монастыря стороне. Тогда роща ещё художественно сохраняла свою былую стать – шумела в своих высоких кронах, поскрипывала мачтами живых стволов. А вот монастыря как такового давно уже не было. В мою бытность в разгромленном здании обители (без храмов и колокольни), зато отштукатуренном и офлаженном, размещался районный военкомат, откуда я восемнадцатилетним призывником был отправлен служить в армию.

Из окон школы открывалась широкая панорама вечно зелёной рощи. На уроках я подолгу следил, как весной мальчишки в окружении сосен катались по пруду на льдинах, умело правя длинными шестами.

В роще, на его полянах, проходили наши уроки физкультуры – бегали, прыгали, гоняли футбольный мяч, а зимой нарезали круги по лыжне вокруг лесного массива.

Никто из нас и не думал, что мы бегаем по кладбищу, никто нам не рассказывал, что мы топчем чей-то прах, чьи-то захоронения – никаких могильных холмиков, всюду ровная травка, небольшие полянки, превращённые в лысые физкультурные площадки. Только поодаль, на самом краю рощи, у бывшего монастыря и вдоль когда-то Большой улицы, которая получила современное название – «Декабристов», попадались нам среди кустарников надмогильные камни с истёртыми временем именами и датами давным-давно усопших людей.

Позже я узнал, что здесь покоились прадед Льва Толстого – голова Казани Илья Андреевич Толстой, ректоры Казанского университета Илья Яковкин, Николай Ковалевский и Иван Симонов – астроном, участник кругосветной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывшей Антарктиду, и много других достойных людей.

**Высокомерный! зри те гробницы,
Сколь они пышны! Верно со треском
Скоро исчезнут, падут.**

Поэт, как в воду глядел. К концу моей учёбы в роще исчезли (правда, без треска и шума) последние надгробные памятники. Их пустили на поребрик вдоль улицы Декабристов.

Поэт немало стихотворений посвятил своей любимой роще. Гулял он здесь и летом, и зимой, и в уединении, и с друзьями...

**Вчера с друзьями я ходил
В тени сосновой тёмной рощи,
Прохладной ожидая ночи,
Там с ними время проводил.**

Размышлял об ушедших днях, думал о грядущих:

**Гряди, свет утренний румяный,
Гряди, о милый день!
Вдали там из-за тёмной рощи
Мелькает уж твой луч...**

Грядущее оказалось не совсем светлым и милостивым. Отческие гробы как языком слизнуло. Вместе с могилой нашего героя. Да и сама патриархальная роща сдала под натиском прогрессивной современности. С одной

её стороны возвели так называемый Дворец химиков, с другой построили крытый бассейн. Неподалёку был открыт ресторан с соответствующим названием «Сосновая роща». В самой роще, точнее уже, в парке появились качели-карусели... На каждый Новый год на бывшем погосте принялись ставить «лучшую» в городе ёлку, появились аттракционы, зверинцы, пивные ларьки, шашлыки... Потом пиво запретили, всё остальное осталось, в том числе и пиво, которое и без киосков лилось рекой и заносило округу мусором использованных бутылок, банок... Да, чуть было не забыл. В пору, когда ещё сохранялись редкие надгробные камни, рядом с ними, над двумя лестничными маршами, спускающимися на улицу Декабристов, возвышался памятник Ленину с вытянутой рукой в сторону, должно быть, светлого будущего. Как-то зимой я обнаружил, что Ленина заменили на Дедушку Мороза на качелях в обнимку со своей внучкой Снегурочкой.

Весело жить без роду, без племени, без памяти...

Говорят, народ в России живёт не по закону, а по пословицам и поговоркам. На похоронах 35-летнего городского головы Петра Григорьевича Каменева говорили: «Быть тебе семь веков на людских памятях». Какие там семь веков, какие памятники?! За один только-только перевалили, как буйное безвременье сравнивало с землёй его, городского головы, могилу вместе с могилой сына, гордостью российской поэзии, вместе с могилами других воистину великих людей. И монастырь большей частью был разрушен и разорён. Его сначала хотели полностью разобрать и построить баню, потом здесь были размещены колония для несовершеннолетних, а также загс, и наконец в Братском корпусе обезглавленного монастыря, в её кельях зафункционарировал райвоенкомат, который я уже упоминал.

В 2001 году комплекс Кизического монастыря наконец передали Казанской епархии. Монастырь начали восстанавливать. Даже новострой над-

гробья Ильи Андреевича Толстого сотворили и немало кое-чего другого хорошего.

Только вот сотни могил в сосновой роще у монастыря исчезли с лица земли, бесследно и навеки. Вместе с надгробьями, именами, датами... Будто и не было этих людей на свете, не было астронома и путешественника Ивана Симонова, не было поэта и первого романтика России Гавриила Каменева... И дремучего, тёмного бора у монастыря с мачтовыми соснами до неба будто тоже не было.

Это оскудевшее, полысевшее место с тремя облезлыми сосенками посредине теперь официально называется «Парк ДК химиков».

А в народе она, наша сосновая роща, всё ещё по старинке хранится. Так бывает: что-то исчезает, переименовывается, а в людском сознании, в обиходе продолжает жить. Примеров тому не счесть.

По невидимым стопам

Школа та у рощи была по тем временам современная – с большими, светлыми классами, актовым и спортивным залами. В ней я стал учиться с середины пятого класса, переехав с родителями из другого района города. Меня почему-то сразу посадили на первую парту у окна. Соседкой моей оказалась симпатичная, умная, всегда сдержанная девочка по имени Майя. Как-то мы с ней поспорили... Теперь даже не помню о чём именно. Но главное то, что я проиграл. По условиям спора я как проигравший должен был проводить её до дома, нагрузившись всеми её вещами – портфелем, второй обувью в мешочке, тубусом со стенгазетой, которую она должна была своим красивым почерком исписать.

На дворе май, последние дни учёбы. Мы пошли через рощу. Тепло, птички весело чирикают. Майя собрала на

полянке букетик золотых одуванчиков. Настроение хорошее, только немного жарковато, ведь у меня и свои вещи имелись при себе. Но в те времена тенистых мест в роще было больше, особенно в той её части, где ещё сохранялись надгробные камни. Наш путь по тропинке лежал как раз мимо них.

У одного из камней она остановилась и положила к его основанию свой букетик.

– Здесь ведь раньше кладбище было, – сказала она. – И тут, на этом кладбище, похоронен был замечательный казанский поэт Гавриила Каменев.

– Но это же не его могила, – ответил я, пытаясь сложить вслух еле заметные буквы на памятнике.

– Нет, конечно. Его могила, как и большинство других, исчезла. Но он же вот в этой земле покоится. Может быть, где-то рядом.

– Откуда ты о нём знаешь?

– Знаю вот. И заметку написала. Почитаешь завтра. – Она взяла из моих рук тубус. – Разгружу, а то раскраснелся уж весь.

На другой день в стенной газете, посвящённой окончанию учебного года, я прочёл небольшую заметку о поэте-земляке Гаврииле Каменева, который любил гулять по нашей роще. Я сразу нашёл то место, откуда он подолгу взирал на далёкий Казанский кремль. А место захоронения – нет. Место вечного покоя поэта, которое он лелеял в своих стихах, никому не известно.

С тех пор прошло много лет. Я жил не тужил, шагая вперёд по жизни безоглядно. А теперь всё чаще оглядываюсь и вспоминаю бесконечно зелёную сосновую рощу, шумные деньки юности на её полянах, отъезд в армию из монастыря-военкомата, свои уединённые прогулки по редущей рощице... Даже вот одноклассницу вспомнил, из уст которой я впервые юношей услышал о печальном казанском поэте, по чьим невидимым стопам бродил, наверное, не я один.

